

Г. С. Дестунис

Об Армуре

**Греческая былина византийской
ЭПОХИ**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Г11

Г11 **Г. С. Дестунис**
Об Армуре: Греческая былина византийской эпохи / Г. С. Дестунис – М.:
Книга по Требованию, 2016. – 48 с.

ISBN 978-5-4241-4980-1

ISBN 978-5-4241-4980-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ КЪ БЫЛИНЪ „ОБЪ АРМУРЪ“.

Былина *объ Армуръ* помѣщается между греческими средне-вѣковыми стихотвореніями *рукописнаго сборника*, принадлежащаго Императорской Публичной Библіотекѣ и занесеннаго въ каталогъ греческихъ рукописей Библіотеки подѣ № ССII. Хотя въ самомъ сборникѣ и не обозначено нигдѣ время его написанія, но необходимо допустить, что онъ списанъ не раньше 1365 года. Такая увѣренность основывается на томъ наблюденіи, что всѣ девять произведеній, помѣщенныхъ въ сборникѣ, писаны, по видѣмому, не только однимъ и тѣмъ же почеркомъ, но и одною и тою же рукой; а въ одномъ изъ произведеній этого сборника, озаглавленномъ *«Шуточный рассказъ о четвероногихъ животныхъ»* (Διήγησις παιδιόφραστος τῶν τετραπόδων ζώων), упомянуто, что споръ между этими животными произошелъ въ 1365 году¹⁾. Впрочемъ можно догадываться, что сборникъ Императорской Библіотеки писанъ и не раньше середины XV в. Къ этому ведетъ внимательное изученіе другаго стихотворенія того же сборника, озаглавленное: «О завоеваніи и покореніи Аттической Аѣны Персами» (Περὶ τῆς ἀναλώσεως καὶ τῆς αἰχμαλωσίας ἧν (вѣроятно: ἦ) γέγονεν ὑπὸ τῶν Περσῶν εἰς Ἀττικὴν Ἀθήνα). По характеру изобра-

1) Этотъ рассказъ изданъ Вагнеромъ въ его *Carmina Graeca medii aevi*, Lips. 1874. Стр. 141—178. — Въ строкахъ 11—12 сказано, что собраніе четвероногихъ произошло въ 6873 году, чему соотвѣтствуетъ 1365 г. нашей эры.

женнаго тутъ событія я пришегъ къ убѣжденію, что это событіе не иное что, какъ извѣстное покореніе Аѳинъ Турками въ 1456 г. 2). Въ самомъ дѣлѣ катастрофа занятія Аѳинъ оплакивается языкомъ, хотя и довольно стариннымъ, но все же новогреческимъ, притомъ размѣромъ такъ называемымъ политическимъ, какъ проществіе по времени очень близкое, оплакивается по свѣжимъ его слѣдамъ. Такимъ событіемъ можетъ считаться разгромъ Аѳинъ Турками, а ужъ никакъ не взятіе Аѳинъ Персами, случившееся слишкомъ за 19 столѣтій предъ тѣмъ. Относись это описаніе ко взятію Аѳинъ Персами при Ксерксѣ,—картина бѣдствій не могла бы вызвать въ авторѣ такого непрерывнаго и неутѣшнаго плача. Тяжкія оскорбленія, наносимыя духовнымъ лицамъ и женщинамъ, истребленіе садовъ и виноградниковъ, свидѣтельствуютъ еще прямѣе, что тутъ идетъ рѣчь о занятіи Аѳинъ Отоманскими Турками, а не древними Персами. О нападеніи какого-либо народа западнаго не можетъ тутъ быть рѣчи уже потому, что Греки народовъ, пришедшихъ съ Запада, никакъ не могли именовать Персами. При этомъ возникаетъ вопросъ: почему же бы однако Грекамъ Турокъ называть Персами? Это могло произойти вѣроятно въ слѣдствіе господствовавшаго за весь Византійскій періодъ обычая, давать позднѣйшему народу имя народа, получающаго послѣ него подобное значеніе, угрожающаго съ той же стороны и т. д., чему примѣръ подали еще писатели классическаго періода. Наконецъ самое упоминаніе, въ стихотвореніи о взятіи Аѳинъ, урочища Сополій (*τὰ Σοπόλεια*),

2) *Laonici Chalcocondylae de rebus Turcicis*, ed. Bonn. L. IX. p. 455.— Годъ 1456-й означенъ у Францѣй и въ Братковъ Лѣтописи (*Georgii Phrantzae* L. IV. c. 14. p. 385. — *Chronicon breve*, въ томъ же самомъ томѣ. гдѣ *Ducas*, ed. Bonn. p. 520). Аѳины взяты Омаромъ, вождемъ Мухаммеда II, при чемъ пресѣялась надъ Аѳинами власть дома Аччяблн. Сравни: *Leake's Topographie von Athen*, herausg. v. Rienäcker, 1829. Стр. 62.—*Hammer, Hist. d. l'emp. Ottoman*, 1836 (Trad. Hellert). Т. III. 60—61. — *Zinkeisen, Gesch. d. Osmanisch. Reichs in Europa*. 1854. П. 220. — *Hopf, Gesch. Griechenlands vom Beginn d. Mittelalters bis auf unsere Zeit* (1821), въ *Griechenland*, т. 7, стр. 128).

какъ мѣстности богатой садами и виноградниками, доказываетъ, что здѣсь говорится о событіи средневѣковомъ, а не древнемъ. Изъ всѣхъ окрестностей Аѳинъ Сополія и понынѣ заключаютъ въ себѣ наилучшіе виноградники. Это та мѣстность, гдѣ находилась древняя Колона и гдѣ нынѣ стоитъ памятникъ извѣстному эллинисту Отфриду Мюллеру. Самое названіе τὰ Σωπόμεια, напоминающее звуки и Греческіе, и Славянскіе, не встрѣчается въ древней письменности: оно встрѣчается только въ средневѣковой и въ новой; оно живетъ въ устахъ народа и до сихъ поръ, какъ это мнѣ извѣстно изъ личнаго опыта впродолженіе почти двухлѣтняго моего пребыванія въ Аѳинахъ (1845—1847 г.).—Итакъ рукопись, содержащая въ себѣ плачь о разореніи Аѳинъ Турками, не могла быть списана и раньше этого событія, т. е. раньше 1456 г. По общему характеру письма можно бы однако отнести ее къ значительно позднѣйшему времени; но для точнѣйшаго приуроченія не достааетъ у меня въ настоящее время необходимыхъ данныхъ³⁾.

Перехожу къ содержанію былины объ Армурѣ. Оно взято изъ эпохи международныхъ столкновеній Византіи съ Халифа-

3) Приведу всѣ девять средневѣковыхъ греческихъ произведеній, содержащихся въ упомянутомъ спискѣ Императорской Публичной Библіотеки: 1) Не достааетъ заглавія, которое дополняю изъ сборника Вагнера: *Διηγησις παιδιοφραγος των τετραποδων ζωνων* (*Carmina graeca medii aevi*, Lips. 1874, p. 141—178, ed. G. Wagner). 2) *Διηγησις του παρικολογου* по словамъ Вагнера помѣщенъ въ Клейѣ № 516, 1871 года, а отсюда въ выше приведенномъ сборникѣ Вагнера. 3) *Προς τον ανεψιον αυτου ο κυρ σπανι παραγγελι του με ποδον εις τα ξενα*. 4) *Του αρμουρι*: это издаваемая теперь нами былина. 5) *Περι της αναλωσεως και της αιχμαλοσιας ην γεγεμεν ητω των Περσων εις ατμιν αδυνα*. 6) *ᾠ β̄ συναχτικι περι παιδευσεως ανθρωπων*. 7) *Ο πελολογωας*: напечатанъ у Вагнера въ тѣхъ же *Carm. gr.* 8) Безъ заглавія; первый стихъ: *Εδα συναξε λογισμε και λεπτηνη με γωσι*. 9) Безъ заглавія; первый стихъ: *Ω παραδοξος συμφορα, ω σκοτισμα ανθρωπων*. — Изъ девяти означенныхъ произведеній восемь—въ стихахъ, и только 2-е въ прозѣ. Описаніе рукописи и изложеніе содержанія всѣхъ произведеній представлены намъ въ Императорскую Публичную Библіотеку.

томъ. Для обозначенія первой изъ двухъ борющихся сторонъ въ былинѣ не находится никакого особаго названія; вторая же сторона постоянно въ ней называется Саракинами (*Σαρακηνοί*). Люди, не отмѣченные никакимъ названіемъ ни по вѣрѣ ихъ, ни по племени, принадлежать очевидно къ сторонѣ самого автора былинны. Авторъ отъ своего лица называетъ стараго Армура — «мой Армуръ» (стихъ 169 *ὁ Ἀρμούρης μου*). Витязь этой стороны, молодой Армуръ, обзываетъ своихъ непріятелей Саракиновъ «собаками погаными» *σκυλιά μαγαρασμένα* (стихи 72, 92). Онъ обращается къ заступничеству Божію, чего не говорится о сторонѣ противной; на войнѣ же ему слышится голосъ ангельскій, обращенный къ нему съ добрымъ совѣтомъ: ни о чемъ подобномъ по поводу противной стороны не говорится. Итакъ богатырь вмѣстѣ съ авторомъ принадлежать къ Христіанскому населенію Византійской имперіи. Люди второй стороны представлены населяющими Сирію, подъ властію своего «амира» или эмира (*ὁ ἀμῆρᾶς* стихи: 104, 116, 126, 128, 167, 184, 192, 193). Конные войны ихъ разъѣзжаютъ по этой сторонѣ Аφрата (Евфрата, *Ἀφράτης* ст. 31, 39, 43), поджидая изъ-за этой рѣки своихъ непріятелей, чтобъ забрать ихъ въ полонъ. Изъ предъидущаго видно, что вся былина примыкаетъ къ циклу сказаній о сношеніяхъ Христіанъ, подданныхъ царства Византійскаго, съ Саракинами, не раньше завоеванія Сиріи этими послѣдними. При ближайшемъ же разсмотрѣніи ея можно замѣтить еще нѣсколько данныхъ, позволяющихъ придвинуть ее ко времени позднѣйшему, чѣмъ покореніе Сиріи Аравитянами. Всмотримся попристальнѣе.

Юный богатырь Армуръ, для того чтобъ напасть на Саракиновъ, живущихъ въ Сиріи, долженъ переѣхать Аφратъ (=Евфратъ). Если, помимо сказочныхъ выходовъ, принять за историческій моментъ возможность, для война-Христіанина, переѣзда черезъ Евфратъ изъ Месопотаміи въ Сирію⁴⁾, то будетъ совер-

4) Что при разливіи Евфрата невозможно, но возможно въ мелководіе, по извѣстнымъ бродамъ.

шенно противенъ дѣйствительности вызовъ, дѣлаемый эмиромъ: набрать воиновъ изъ Вавилоніи и Каппадокіи. Когда же это могло быть въ дѣйствительности, чтобы Каппадокія могла принадлежать Саракинамъ, и чтобы въ то же время Месопотамія еще не была ими занята? Такое положеніе исторически невозможно. Легко себѣ представить, что Каппадокія была вложена въ уста эмира уже въ послѣдующихъ пересказахъ или перепискахъ былины, въ такое время, когда для пересказчиковъ и писцовъ названіе областей стало дѣломъ безразличнымъ. Могла пожалуй тутъ прежде стоять Ассирія или какая-нибудь другая страна изъ завоеванныхъ Аравитянами. Но вмѣсто разныхъ возможныхъ гаданій, лучше будетъ, кажется, не стѣсняясь Каппадокіей, поискать другихъ указаній для болѣе точнаго приуроченія былины къ опредѣленному времени.

Весьма важнымъ представляется то обстоятельство, что весь рассказъ какъ бы выхваченъ изъ какой-то установившейся среды. Тутъ является не моментъ покоренія, а одинъ изъ многихъ часто повторявшихся сходныхъ моментовъ, одно изъ безчисленныхъ столкновеній обоихъ враждебныхъ становъ. По этому можно думать, что она сложилась не съ самаго начала завоеванія Сиріи Аравитянами, а въ такую пору, когда ненависть между борющимися сторонами достигла уже нѣкоторой зрѣлости. Стороны рѣзко выдвигаются: каждая изъ нихъ хвалится своими достоинствами: Аравитянинъ своими быстрыми конями, при чемъ воронаго другой стороны, такого воронаго, что отмахивалъ десятки миль въ одно мгновеніе ока, обзываетъ клячкой (*παρίπτει* стихъ 40). Богатырь, принадлежащій къ вѣроисповѣданію былинщика, ругаетъ, какъ мы уже замѣтили, своихъ непріятелей собаками погаными. Чувствуется, что обѣ стороны уже навѣкли наносить другъ другу разнообразныя оскорбленія. Отцы семействъ пострадали въ темницахъ у враговъ (ст. 100 и дал.); жены такихъ плѣнныхъ военачальниковъ насидѣлись въ своихъ усадьбахъ съ дѣтьми и домочадцами, замкнувшись на двойные запоры (*ἀσπίτια διπλομανταλωμένα* ст. 177). Когда мать юнаго удалца предлагаетъ ему согнуть копьё его отца для испытанія своей силы, то она

характеризуетъ это копье, какъ то самое, которое отецъ его похитилъ въ Вавилоніи (ст. 11). Итавъ отецъ удальца и самъ былъ удальцомъ; при имени молодаго человѣка постоянно прибавляется — чей онъ сынъ — и это дѣлается съ особенною силою ὁ Ἀρμύρης ὁ Ἀρμυρόπουλος τῆ Ἀρμύρη ὁ υἱὸς ὁ ἀρίστης (ст. 74 — 75, 141 — 142), точъ въ точъ какъ клефты въ пѣсняхъ Пинда и Олимпа, говоря о себѣ, приговариваютъ: я сынъ такого-то, т. е. славятъ свое наслѣдственное, родовое удалство. Когда, въ другомъ случаѣ Армурь-отецъ, по просьбѣ эмира шлетъ сыну письмо, чтобы его уговорить, и отвести его отъ намѣренія истребить Саракиновъ, то Армурь-сынъ грозитъ наполнить Сирію головами враговъ. Видно такого рода столкновенія начались между обѣими націями уже давно; приобрѣтенъ какой-то навѣкъ къ борьбѣ; созрѣла замѣчательная сила взаимной ненависти; месть считается обязательною. Но кромѣ того, что эти изліянія вражды являются какъ бы унаслѣдованными отъ предъидущихъ поколѣній, есть еще одна черта, намекающая на давность сношеній между обѣими сторонами: мы имѣемъ въ виду послѣдній фазисъ въ ряду этихъ сношеній. Видя безнадежность примиренія, эмиръ заговорилъ о выдачѣ зѣмужъ за молодаго Армура — своей, эмира, дочери! Самая возможность брака между тѣми и другими не подтверждаетъ ли мысли о давности ихъ сношеній?

Итакъ на основанія предъидущихъ соображеній едва ли было бы вѣрно отнести событія, описанныя въ былинѣ объ Армурѣ, къ тому моменту, когда произошло покореніе Сиріи Саракиннами, т. е. къ 1-й половинѣ VII в. Напротивъ гораздо вѣрнѣе приурочить ихъ ко времени позднѣйшему. Если бы рѣчь шла о памятникѣ историческомъ, то мы бы вѣдрили себѣ въ обязанность розыскать: относится ли изображенная здѣсь независимость за-Евфратя къ той эпохѣ, когда этотъ край еще не былъ покоренъ Аравитянами; или же къ той, когда онъ съизнова обратился въ оему Месопотамскую? ⁵⁾ Но такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ бы-

5) См. Constant. Porphyrogen. De administrando imperio, cap. 50. p. Bonn. 226, Par. 135 — 6. Ср. Muralt, Chronogr. Byzant. p. 471.

линой, гдѣ, среди частныхъ и бытовыхъ и сказочныхъ, возникаетъ лишь кое-гдѣ полу-историческая почва, то мы довольствуемся тѣми общими соображеніями, къ которымъ были приведены внутреннимъ характеромъ разсказа. Довольно сомнительно, чтобъ это произведеніе сложилось въ то время, когда нападенія Саракиновъ на Византійскую имперію смѣнились нападеніями Сельджукидовъ, ибо въ такомъ случаѣ скорѣе можно было бы ждать, что эти послѣдніе были бы выдвинуты въ былинѣ какъ главные враги Христіанъ, а не Саракины. По этому ко второй половинѣ XI в., которая полна побѣдами Сельджукидовъ надъ Византіей и Халифатомъ, — относить эту былинку мы бы считали натяжкой⁶⁾. Мы видѣли, что есть сильные поводы привязать какъ самое происшествіе, если оно дѣйствительное, такъ и творца разсказа къ эпохѣ вооруженной борьбы между Византіей и Халифатомъ (VII—XI ст.)⁷⁾.

Выше выставлены были тѣ черты разсказа, которыя скло-

6) Исторія Халифата за вторую половину XI в. подробно разсказана Вейлемъ въ т. III, гл. 4, 5 и 6. Weil, G., Geschichte der Chalifen . . . 1846 — 1851. — Исторія Сельджукидовъ за тоже протяженіе времени Цинкейзеномъ въ т. I, стр. 29—35. Zinkeisen, J. W., Gesch. d. Osmanischen Reiches in Europa. 1840. — Соответствующая эпоха въ Византійской имперіи хронологически изображена Муральтомъ въ Essai de Chronographie Byzantine 1057—1453. Tome I, liv. 1, 1871.

7) Мы полагаемъ, что подробный разборъ восточныхъ словъ, вошедшихъ въ былинку Объ Ариурѣ, могъ бы показать ихъ арабское, а не турецкое происхожденіе (таковы: *φαρίχ* стихъ 34, *ἀμυρᾶς* 116, 167). Въ 200 греческихъ средневѣковыхъ стихахъ ни одного турецкаго слова: — не свидѣтельствуетъ ли это о появленіи былинки до турецкаго вліянія на греческій языкъ? Что касается словъ романскаго корня, ни одно изъ нихъ не имѣетъ исключительно итальянскихъ формы и значенія, а всѣ находятся въ Латини древней или поздней; таковы: *ἀρματαὼν* 72, 140, *βῆχινα* 118, 123, *καβαλλάρης*, *καβαλλικεύω* 3, 6, 9, 14, 25, 28, 102, 115, 146, *λουρίκιν*, *λουρικῶν* 163, 73 140, *μαντάτον* 99, 166, *ὀσπίτια* 178, *πόρτα* 97, 100, 164, *πρόβα* 70, *σκάλα* 16, *φουσάτα* 58, 132. По этому и вліяніе итальянское едва ли можетъ быть доказано со стороны языка.

няють насъ предпочесть въ означенной греко-саракинской эпохѣ (VII—XI стол.) время позднѣйшее времени болѣе раннему. Характеръ событій указалъ на борьбу заматерѣлую. Теперь можемъ сообщить еще одно наблюденіе. Наша былина сложилась не въ слѣдъ за какимъ-либо событіемъ, а значительно спустя. Къ такому убѣжденію приходишь, когда сравниваешь его съ народными греческими пѣснями, выросшими, такъ сказать, на другой день послѣ происшествія. Такого множество пѣсень, появившихся во время турецкаго ига, о происхожденіи которыхъ по горячимъ слѣдамъ зачастую существуютъ достовѣрные свѣдѣнія. Такія пѣсни вырывались изъ груди современниковъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ своей побѣды или своего пораженія. Въ подобныхъ пѣсняхъ, которыми полна народная греческая устная словесность, сильно пробивается желаніе обрадовать своихъ людей торжественнымъ пеаномъ, что мыль наша взяла; или же отвести свою и ихъ душу плачевнымъ ериномъ о погибшихъ. Подобнаго непосредственнаго патріотическаго чувства, въ авторѣ разбираемаго стихотворенія значительно меньше, чѣмъ въ составителяхъ новогреческихъ такъ называемыхъ историческихъ пѣсень. Разъяснимъ эту мысль примѣрами. Въ клефтскихъ пѣсняхъ постоянно воспѣваются заслуги своихъ; кто не за своихъ—тотъ измѣнникъ; и наоборотъ непрерывныя, ужасныя проклятыя сыплются на Турокъ, виновниковъ всего зла. Исключенія рѣдки. Въ Армуръ не то. Здѣсь, хотя перевѣсъ добрыхъ качествъ и на сторонѣ Христіанъ, но въ нихъ не отказывается стихотвореніе и Саракинамъ. Съ одной стороны выдвигается въ Христіанскомъ богатырѣ порывъ воинской честности. Онъ подумалъ про себя: «Если нападу на непріятелей невооруженныхъ, они будутъ вѣчно хвастаться, что я засталъ ихъ невооруженными и не далъ имъ помѣриться» (69—70: *ἀν τοὺς πηδύσω* и т. д.). Но съ другой стороны и саракинскому князю приписанъ поступокъ благородный: услышавъ стоны своего плѣннаго, старика Армура, саракинскій князь пожелалъ облегчить его тяжелое состояніе. Такимъ образомъ настроеніе составителя этого стихотворенія на столько отлично отъ

настроения составителей упомянутых выше пьесъ, что первый, хотя самъ тоже весь принадлежитъ симпатіямъ своего героя, все же однако не до того ослѣпленъ враждою, чтобъ уклониться отъ изображенія поступка хорошаго, совершеннаго въ станѣ непріятельскомъ. По этому мы предполагаемъ, что хотя разбираемая пьеса и сложилась въ указанную выше эпоху вооруженной борьбы двухъ племенъ, все же сложилась она не въ слѣдъ за описаннымъ въ ней событіемъ, а тогда когда остылъ первый пылъ разгорѣвшейся отъ этого событія ненависти. Въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ ее (говоримъ объ общемъ обликѣ, а не о частностяхъ), она не представляетъ полнаго совпаденія настроенія ея составителя съ настроеніемъ главнаго дѣйствующаго лица. Разсказъ такъ поведенъ, что привлекаетъ слушателей къ себѣ не однимъ духомъ озлобленія, но и живымъ изображеніемъ другихъ чувствъ, не исключая и чувствъ нѣкакихъ душу. Насъ занимаетъ собственно вопросъ объ отношеніи момента созданія этого стихотворенія къ моменту, когда совершилось, или предполагается совершившимся разсказанное въ немъ событіе. Повторяемъ, едва ли, судя по всему сказанному выше, эта пьеса могла сложиться тотчасъ послѣ того или другаго момента взаимнаго столкновенія двухъ враждебныхъ сторонъ. Въ этомъ можетъ насъ убѣдить, кромѣ сказаннаго еще слѣдующее.

Съ самаго начала читаемъ: «нынче особенное небо, нынче особенный день, нынче барченки выѣдутъ верхомъ: только лишь государя Армура сынъ не выѣзжаетъ верхомъ». Такимъ эпическимъ приступомъ возбужденъ сильный интересъ; этотъ интересъ поддерживается разговоромъ съ матерью, его подвигомъ съ копьемъ и неожиданнымъ его выступленіемъ. Пропуская много такого, что расчитано на возбужденіе разносторонняго интереса въ современномъ читателѣ или слушателѣ, останавливаюсь на одномъ излюбленномъ мотивѣ, проходящемъ черезъ всю греческую словесность — древнюю, старинную и новую: на узнаніи дѣйствующимъ лицомъ предметовъ, принадлежащихъ тѣмъ изъ

его ближнихъ, съ которыми это лице въ разлукѣ⁸⁾). Такъ здѣсь трогательно сказывается, что отецъ узналъ «воронка и палицу своего сына; а всадника-то не видитъ, — вотъ-вотъ душа (изъ тѣла) выйдетъ». Брачный союзъ, примиреніе, взаимный дѣлежъ, хотя могли происходить и на дѣлѣ, хотя и дѣйствительно происходили между жителями Византіи и Халифата, но все это могло бы быть и выпущено, если бы назначеніе пьесы было то самое, какое въ такъ называемыхъ клефтскихъ и вообще въ историческихъ новогреческихъ пѣсняхъ. Вышеприведенныя общезанимательныя черты, проходящія отъ начала до конца черезъ все стихотвореніе, нужны были для автора, потому что удовлетворяли современнымъ потребностямъ и вкусу читателей и слушателей. Такая-то расчитанность Армура на болѣе разносторонній интересъ въ публикѣ и убѣждаетъ насъ, что мы въ Армурѣ имѣемъ представителя такого литературнаго рода, котораго существованіе отнюдь не съ этого стихотворенія получаетъ начало⁹⁾). Мы имѣемъ сюжетъ полный, композицію, сравнительно, сложную; эпическій тонъ выдержанный; наконецъ, какъ показано будетъ ниже, цѣлыя эпическія формулы, живущія до сихъ поръ въ устной словесности Грековъ. Весьма правдоподобно, что эпическая форма, народная, была уже давно на лицѣ; что стихи пріобрѣли давнишній складъ, что вся такъ сказать походка стихотворныхъ разсказовъ стала уже привычною; и что въ такую-то давно выработавшуюся форму облекся разсказъ о событіи позднѣйшемъ. Ни сама пьеса, ни ея заглавіе не представляютъ такого слова, которое можно было бы принять какъ названіе того рода поэзіи, къ которому она отно-

8) См. въ Одиссеѣ, трагедіяхъ, въ теоріи Аристотеля, во многихъ изъ тѣхъ новогреческихъ пѣсень, которыя называются ἀναγνωρισμός (ср. въ Армурѣ: τὸν μαῦρον ἀνεγνώρισεν 101).

9) Сравни прекрасную былинку Ἡ ἀναγνώρισις, изданную въ первый разъ Спиридономъ Замбеліемъ въ его брошюрѣ Πόθεν ἡ λέξις τραγῳδῶν, перепечатанную Бюдингеромъ, Вагнеромъ, Леграномъ; переведенную на нѣм. яз. первымъ, на фр. Леграномъ, на рус. мною (см. прилож. къ Ильѣ Муромцу, О. Θ. Миллера).